

Муштра
Вагина

*Пока ты
меня
не видишь*

18+

Мунира Вагина

Пока ты меня не видишь

«Автор»

2026

Вагина М.

Пока ты меня не видишь / М. Вагина — «Автор», 2026

Моника всегда знала цену своей красоте. Взгляды, восхищение, зависть — всё это казалось частью её жизни и любви. Пока редкая болезнь не начала менять лицо, тело и саму Моника. Больше всего она боится не болезни, а одного: что однажды Герман посмотрит на неё иначе. После аварии муж почти теряет зрение, и впервые Моника чувствует себя рядом с ним свободной. Ей больше не нужно прятаться, выбирать свет, макияж и правильный ракурс. Она снова смеётся, позволяет себе быть настоящей и верит, что их любовь выдержала главное испытание. Но у Германа есть тайна. Пока Моника борется за себя, он ищет врачей, продаёт то, что строил годами, и делает всё, чтобы вернуть ей надежду. А когда лечение начинает помогать, она случайно находит то, что способно разрушить их брак. Что страшнее — потерять красоту или узнать правду, скрываемую человеком, которому ты доверяла больше всех? «Пока ты меня не видишь» — роман о любви, лжи и правде, после которой уже невозможно остаться прежними.

© Вагина М., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Самая красивая женщина в комнате	5
Глава 2. Первые изменения	9
Глава 3. Диагноз	15
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Пока ты меня не видишь

Глава 1. Самая красивая женщина в комнате

Моника заметила чужой взгляд раньше, чем увидела самого мужчину. Она вообще давно научилась различать такие взгляды — быстрые, будто случайные, и те, что задерживались на секунду дольше дозволенного. В большом зале старого особняка, превращённого в ресторан для закрытых приёмов, было достаточно красивых женщин, дорогих платьев и уверенных улыбок, но люди всё равно оборачивались, когда она проходила между столиками. На ней было тёмно-зелёное платье без лишних деталей. Оно подчёркивало тонкую талию, открывало плечи и делало её кожу почти фарфоровой. Моника выбрала его сама, хотя продавец в бутике настойчиво предлагал красное. Красное требовало внимания. Зелёное его получало, ничего не требуя.

— Опять, — негромко сказал Герман.

Он стоял рядом, держа два бокала шампанского, и смотрел не туда, куда смотрела она, а прямо на неё. На его лице появилась знакомая полуулыбка.

— Что опять? — спросила Моника, хотя прекрасно поняла.

— Мужчина у колонны уже третий раз забывает, с кем разговаривает.

Она едва заметно повернула голову. Высокий седоватый гость действительно смотрел в её сторону, пока его собеседник что-то оживлённо объяснял.

— Может, он смотрит на картину за моей спиной.

— Там огнетушитель.

Моника рассмеялась. Герман протянул ей бокал.

— Ты ревнуешь?

— Уже семь лет пытаюсь. Не получается.

— Значит, плохо стараешься.

— Я просто давно понял: если начать считать всех, кто на тебя смотрит, у меня не останется времени на работу.

Он произнёс это спокойно, без показной бравады. Именно так Герман говорил почти обо всём — будто за каждым словом уже стояло решение, принятое раньше и не требующее доказательств. В свои тридцать девять он выглядел человеком, который редко повышает голос и ещё реже объясняет очевидное. Высокий, тёмноволосый, с внимательными серыми глазами, он производил впечатление сдержанного мужчины даже тогда, когда шутил. Монике всегда нравилось, что рядом с ним она могла позволить себе не быть осторожной. Мир охотно давал ей преимущества за красоту, но почти всегда требовал плату: улыбку, терпение, готовность делать вид, что она не замечает чужого восхищения или зависти. Герман ничего не требовал.

Когда официант прошёл мимо, Моника поставила бокал на поднос и оглядела зал. Приём устраивал один из деловых партнёров Германа. Здесь были люди, имена которых регулярно появлялись в экономических новостях, женщины, чьи фотографии публиковали светские журналы, владельцы галерей, врачи, адвокаты. Моника знала многих, но сегодня ей не хотелось ни с кем долго разговаривать.

— Устала? — спросил Герман.

— Немного.

— Уедем.

— Мы только приехали.

— И что?

— Тебе нужно поговорить с Веденским.

— Уже поговорил.

— Когда?

— Пока ты пять минут выбирала, какой бокал взять.

— Я не выбирала бокал.

— Тем более.

Она снова улыбнулась и положила ладонь ему на рукав. Это был их привычный ритм — короткие реплики, паузы, в которых не требовалось ничего добавлять. Иногда Монике казалось, что за семь лет они научились разговаривать не словами, а интонациями. К ним подошла женщина лет пятидесяти, знакомая Германа по какому-то благотворительному проекту. Она поздоровалась с ним, затем перевела взгляд на Монику и почти сразу сказала то, что Моника слышала десятки раз:

— Господи, какая вы красивая.

Это прозвучало искренне, почти по-детски. Моника поблагодарила, и женщина продолжила:

— Нет, правда. Я вас видела на фотографии, но в жизни вы совсем другая. Герман, вы понимаете, как вам повезло?

— Иногда догадываюсь, — ответил он.

Все засмеялись. Разговор продолжился, но Моника уже почти не слушала. Она улыбалась в нужных местах, кивала, отвечала на вопросы, а внутри почему-то задержалась одна фраза: «Как вам повезло». Будто её лицо было главным доказательством удачного брака Германа. Раньше подобные слова забавляли её. Сегодня вдруг кольнули. Она взглянула на мужа. Герман слушал собеседницу, слегка наклонив голову. Он не смотрел на Монику, не подтверждал комплимент, не добавлял ничего от себя. И всё же ей неожиданно захотелось спросить: а если бы я выглядела иначе — тебе тоже повезло бы? Вопрос показался настолько нелепым, что она почти рассердилась на себя.

Через час они ушли. На улице было прохладно, и Герман набросил ей на плечи свой пиджак прежде, чем она успела сказать, что не замёрзла. Машина ждала у входа. В дороге Моника сняла туфли и подтянула ноги на сиденье, чего никогда не позволяла себе при посторонних.

— Вот теперь ты похожа на человека, — заметил Герман.

— А до этого?

— На женщину, с которой страшно заговорить.

— Тебе когда-то было страшно?

— Конечно.

Она повернулась к нему.

— Врёшь.

— Я вообще очень пугливый.

— Ты подошёл ко мне через пять минут после знакомства.

— Через девять.

— Ты считал?

— Я много чего помню.

Эта фраза всегда действовала на неё сильнее комплиментов. Они познакомились восемь лет назад на открытии галереи, куда Моника пришла с подругой. В тот вечер она действительно выглядела безупречно — чёрное платье, волосы собраны, серьги матери. Позже ей казалось логичным, что Герман заметил её сразу. Только спустя несколько месяцев он признался: впервые обратил внимание не на неё в зале, а на лестнице, где она сидела одна и плакала, думая, что никто не видит. Тогда умер её отец. Она пришла на выставку, потому что не хотела оставаться дома, но музыка, люди и свет вдруг стали невыносимы. Моника вышла на лестницу и несколько минут позволила себе быть слабой. Герман подошёл не сразу. Сначала просто сел через две ступени.

— Если хотите, я могу уйти, — сказал он тогда.

— Тогда зачем пришли?

— Проверить, не нужна ли вам вода.

Она подняла на него мокрое лицо без всякой красоты, о которой позже говорили другие. Тушь размазалась, нос покраснел, губы дрожали.

— Нужна, — ответила она.

Он принёс воду. Потом сидел рядом молча. И только когда она успокоилась, спросил имя. Моника редко вспоминала начало их истории именно так. Обычно память услужливо оставляла красивую версию: галерея, музыка, мужчина в тёмном костюме, его спокойная улыбка. Лестница и слёзы будто выпадали из кадра. Машина остановилась у дома. В лифте Герман проверил сообщения, а Моника рассматривала своё отражение в зеркальной стене. Свет сверху был беспощадным, но привычным: ровный лоб, высокие скулы, большие тёмные глаза, чёткая линия подбородка. Она машинально поправила волосы.

— Что? — спросил Герман, не поднимая глаз от телефона.

— Ничего.

— Ты уже минуту смотришь на себя так, будто подозреваешь в чём-то.

— Проверяю, не испортилась ли.

Он убрал телефон.

— И?

— Пока нет.

— Отлично. Значит, гарантия действует.

Двери лифта открылись. Дома Моника первой пошла в спальню. Сняла серьги, положила их в маленькую бархатную коробку, расстегнула платье и на несколько секунд задержалась перед большим зеркалом. Здесь свет был мягче. Она провела ладонью по плечу, по талии, повернулась боком. Красота сопровождала её так давно, что она почти перестала воспринимать её как отдельное качество. Это было скорее условие жизни, как рост или голос. В шестнадцать лет ей говорили, что она станет моделью. В двадцать незнакомые женщины спрашивали, где она делает скулы, хотя ничего не делала. В тридцать подруги просили телефон косметолога и не верили, когда она отвечала, что ходит только на обычный уход.

Она привыкла к своему лицу. К тому, что утром оно почти такое же, как вечером. К тому, что одежда садится на неё без долгих примерок. К тому, что Герман иногда смотрит на неё через всю комнату. Возможно, именно поэтому маленькая странность сразу бросилась ей в глаза. Моника приблизилась к зеркалу. Левая сторона лица казалась немного иной. Она нахмурилась. Подняла подбородок. Повернула голову вправо, затем влево. Ничего. Она снова посмотрела прямо. Нет. Всё-таки что-то было. Совсем небольшая припухлость у скулы, будто она спала на этой стороне несколько часов. Моника коснулась кожи пальцами. Боли не было.

— Ты скоро? — донёсся голос Германа из ванной.

— Да.

Она взяла телефон, включила фронтальную камеру и сделала снимок. Потом ещё один — при другом свете. На фотографии ничего особенного не было. Моника увеличила изображение.

— Что ты там изучаешь?

Герман появился в дверях, уже без пиджака и галстука. Она быстро погасила экран.

— Морщины.

— Нашла?

— Одну.

— Где?

— Не скажу.

Он подошёл ближе, положил руки ей на талию и посмотрел на её отражение через плечо.

— Я могу помочь.

— Каким образом?

— Скажу, что не вижу.

Она усмехнулась.

— Очень смешно.

— Я серьёзно. У меня вообще зрение выборочное.

Моника повернулась к нему.

— И что ты видишь?

Герман на секунду задумался, будто вопрос требовал точного ответа.

— Тебя.

— Это слишком легко.

— А зачем усложнять?

Она поцеловала его в щёку и вышла из спальни, но через несколько минут вернулась к зеркалу одна. Припухлость никуда не исчезла. Теперь, когда она знала, куда смотреть, та казалась заметнее. Моника подошла совсем близко. В ярком свете лицо вдруг перестало быть цельным. Оно распалось на детали: кожа, линия губ, угол глаза, крошечные сосуды у носа, едва заметная тень под скулой. Она провела пальцами по щеке и нахмурилась. «Усталость», — сказала себе она. Последние недели были нервными. Несколько поздних ужинов, перелёт, мало сна. К утру всё пройдёт. Она выключила свет. В темноте стало легче. В кровати Герман уже лежал с закрытыми глазами. Моника осторожно легла рядом. Через несколько секунд он, не просыпаясь до конца, протянул руку и притянул её к себе. Этот жест был настолько привычным, что она почти не замечала его раньше. Теперь заметила.

Моника положила ладонь поверх его руки.

— Герман.

— Мм?

— Ты когда-нибудь думал, как мы будем выглядеть через двадцать лет?

Он открыл глаза.

— Сейчас?

— Просто ответить.

— Я буду великолепен.

— А я?

— А ты будешь говорить, что я вру.

— Я серьёзно.

Он помолчал.

— Будем старше.

— Это всё?

— А что должно быть ещё?

Моника хотела спросить: «А если я стану некрасивой?» Но не спросила. Вопрос казался детским, почти постыдным. Она отвернулась к окну.

— Спи.

— Уже сплю.

Герман снова обнял её. Через некоторое время его дыхание стало ровным. Моника лежала без движения и смотрела в темноту. Перед глазами всё ещё стояло отражение в зеркале. Маленькая припухлость. Почти ничего. Она закрыла глаза и решила, что утром обязательно забудет об этом. Но утром первым делом подошла к зеркалу. И увидела, что припухлость осталась.

Глава 2. Первые изменения

Утром Моника проснулась раньше будильника. Несколько секунд лежала неподвижно, не открывая глаз, и прислушивалась к тишине квартиры. Герман спал рядом, повернувшись к ней спиной. За плотными шторами уже начинался день, но в спальне было полутемно, и можно было ещё немного притворяться, будто вчерашнее беспокойство осталось где-то за пределами этой комнаты. Она протянула руку к телефону. Шесть сорок две. До будильника восемнадцать минут. Моника осторожно поднялась, чтобы не разбудить мужа, накинула халат и почти сразу направилась не в ванную, а к зеркалу. Припухлость у левой скулы осталась.

Она была не сильнее вчерашней и, возможно, даже меньше. Любой другой человек мог бы ничего не заметить. Но Моника знала своё лицо слишком хорошо. Она различала, как ложится свет на скулу, где обычно начинается тень, какой изгиб имеет линия от виска к щеке. Сегодня эта линия была немного другой. Она наклонилась ближе.

— Ерунда, — тихо сказала себе.

Произнесённое вслух слово не помогло. В ванной она умылась холодной водой, потом приложила к лицу полотенце с кубиками льда. Так советовали косметологи после перелётов и бессонных ночей. Пять минут спустя кожа стала розовой, припухлость будто уменьшилась, и Моника почувствовала облегчение, почти раздражённое: надо же было так себя накрутить. Она приготовила кофе и вернулась в спальню уже собранной, с аккуратно уложенными волосами и лёгким макияжем. Герман сидел на краю кровати и застёгивал часы.

— Ты сегодня подозрительно бодрая, — сказал он.

— Это кофе.

— Ты его ещё не выпила.

— Я просто знаю, что он есть.

Герман посмотрел на неё внимательнее, но ничего не спросил. Моника отвернулась к шкафу, будто выбирала серьги. Ей вдруг стало важно, чтобы он не задерживал взгляд на её лице слишком долго. За завтраком она поймала себя на том, что сидит к окну правой стороной. Левая оставалась в тени.

— Вечером куда-нибудь пойдём? — спросил Герман.

— Сегодня?

— Если ты свободна.

— Я думала, у тебя встреча.

— Перенесли.

Она машинально коснулась щеки.

— Давай дома.

— Дома так дома.

Он не стал уточнять, почему она отказалась. Именно эта его привычка — не давить вопросами — раньше казалась Монике редким достоинством. Сегодня почему-то насторожила. Ей захотелось спросить, замечает ли он что-нибудь. Но если спросить, значит признать, что замечать есть что. После его ухода квартира стала слишком тихой. Моника отнесла чашку в посудомоечную машину, потом снова вернулась к зеркалу. Взяла телефон и открыла вчерашние фотографии. На экране лицо выглядело почти обычным. Она сделала новый снимок при том же освещении и поставила изображения рядом. Разница существовала. Совсем небольшая. Но существовала. Она увеличила обе фотографии и долго рассматривала их, пока черты собственного лица не стали казаться чужими. К десяти утра Моника уже записалась к косметологу.

Косметолога звали Инга. Моника ходила к ней несколько лет и доверяла именно за отсутствием желания продавать лишнее. Инга не предлагала уколы там, где можно было обойтись

сном, и не обещала остановить время за два визита. В кабинете пахло чем-то свежим и аптечным. Моника легла на кушетку, а Инга включила яркую лампу.

— Что тебя беспокоит?

— Левая щека.

— Что с ней?

— Она другая.

Инга несколько секунд молча смотрела на неё.

— В каком смысле?

— Здесь припухлость. И линия немного изменилась.

Косметолог коснулась кожи пальцами, попросила Моника улыбнуться, нахмуриться, повернуть голову.

— Я ничего тревожного не вижу.

— Но разница есть?

Инга не ответила сразу.

— Небольшая асимметрия есть у всех. У тебя тоже всегда была.

— Не такая.

— Ты недавно летала?

— Неделю назад.

— Мало спала?

— Наверное.

— Алкоголь вчера?

— Полбокала шампанского.

Инга улыбнулась.

— Тогда я бы начала с очень скучного лечения: сон, вода, меньше соли. Через неделю посмотрим.

— А если не пройдёт?

— Тогда пойдёшь к врачу. Но пока я не вижу причины пугаться.

Моника кивнула, хотя слово «врач» уже зацепилось где-то внутри. После процедуры лицо выглядело свежим. В машине она включила камеру и несколько раз повернула голову. Стало лучше. Значит, Инга права. Она почти успокоилась. Через три дня появилось новое изменение. Моника застёгивала утром любимую юбку и вдруг заметила, что пояс сидит иначе. Не теснее — страннее. Будто ткань перекашивалась на левую сторону. Она сняла юбку, положила её на кровать, проверила швы. Всё было в порядке. Надела снова. Эффект повторился.

— Герман!

Он отозвался из кабинета:

— Да?

Она уже хотела позвать его, но передумала.

— Ничего.

— Это был очень убедительный крик «ничего».

— Я нашла причину мировой инфляции.

— Тогда не мешаю.

Моника закрыла дверь гардеробной. Она сняла юбку и осталась перед зеркалом в белье. Талия казалась прежней. Бёдра — тоже. Но стоило ей повернуться боком, возникало ощущение едва заметной несоразмерности, которую она не могла точно определить. В тот день она впервые достала сантиметровую ленту. Талия — шестьдесят четыре. Как всегда. Бёдра — девятьдесят один. Как всегда. Она измерила каждое бедро отдельно, потом плечи, запястья, даже окружность икр. Записала цифры в заметки телефона. Ей стало стыдно. «Ты сходишь с ума», — сказала она себе. Через минуту сохранила заметку под названием «Параметры».

Следующую неделю Моника жила так, словно ничего не происходило. Она встречалась с подругой, ездила по делам, дважды ужинала с Германом вне дома. При ярком ресторанном свете ей казалось, что люди стали смотреть на неё иначе, но потом она понимала: они смотрят так же, как всегда. И всё же теперь каждый чужой взгляд требовал расшифровки. Раньше внимание означало только одно — её заметили. Теперь оно могло означать что угодно. В пятницу подруга Лада сказала:

— Ты похудела?

Моника застыла с чашкой в руке.

— Почему?

— Не знаю. Лицо как-то изменилось.

— Как?

— Господи, Моника, я просто спросила. Может, причёска.

— Я не меняла причёску.

Лада посмотрела на неё внимательнее.

— Ты в порядке?

— Да.

Ответ прозвучал слишком быстро. Лада протянула руку через стол.

— У тебя что-то случилось?

— Ничего. Просто плохо сплю.

— Тогда хватит изображать железную женщину. Возьми выходные.

Моника улыбнулась, перевела разговор на другое и больше не позволила себе касаться лица до конца встречи. В туалете ресторана она простояла перед зеркалом почти пять минут. Теперь ей казалось, что изменился не только контур левой скулы. Веко с этой стороны будто стало тяжелее. Или это был свет. Она включила фонарик телефона. Стало ещё хуже. Моника выключила его и вдруг испытала короткую, почти физическую злость на собственное отражение.

— Хватит, — сказала она вслух.

Женщина у соседней раковины посмотрела на неё. Моника сделала вид, что разговаривала по гарнитуре, и вышла. Вечером Герман заметил её настроение.

— Что произошло?

— Ничего.

— Ты сегодня уже второй человек в этом доме, который говорит «ничего» так, будто это катастрофа.

— А кто первый?

— Я. Мне не согласовали договор.

Она усмехнулась, но взгляд оставался напряжённым.

— Герман, — сказала она спустя паузу, — ты замечаешь во мне что-нибудь другое?

Он отложил телефон.

— В каком смысле?

— Просто другое.

— Ты стала спрашивать странные вещи.

— Я серьёзно.

Он посмотрел на неё. Долго. Настолько долго, что Монике захотелось отвернуться.

— Ты устала, — наконец сказал он.

— И всё?

— А должно быть что-то ещё?

Она покачала головой.

— Нет.

Герман встал и подошёл ближе.

— Ты хочешь мне что-то сказать?

— Нет.

— Хорошо.

Он поцеловал её в лоб и ушёл в кабинет. Моника осталась на диване одна. Её почему-то не успокоило, что он ничего не заметил. Наоборот. Внутри возникла новая мысль: а если изменения видит только она — не значит ли это, что однажды они станут заметны всем сразу? На следующее утро она записалась уже не к косметологу, а к терапевту. Первый врач выслушал её без особого интереса. Измерил давление, назначил общий анализ крови, проверку щитовидной железы и посоветовал меньше читать медицинские сайты.

— Я ничего не читала, — сухо ответила Моника.

— Тем лучше.

Анализы оказались почти идеальными. Терапевт развёл руками.

— Возможно, стресс. Иногда он даёт очень странные реакции.

— Стресс может изменить форму лица?

— Отеки — да.

— А тело?

— Что именно с телом?

Моника поняла, что не может объяснить. Она чувствовала изменения, но цифры почти не менялись. Одежда иногда сидела иначе, но на следующий день всё снова было нормально. Левая щека утром становилась заметнее, вечером — меньше. Один раз она проснулась с ощущением, что пальцы правой руки стали толще, но через несколько часов кольца опять свободно двигались. Любой отдельный симптом выглядел пустяком. Все вместе они начинали пугать. Через две недели Моника завела отдельную папку в телефоне. Каждое утро она фотографировала лицо анфас и в профиль. Раз в три дня измеряла талию, бёдра, руки. Записывала вес. Герман однажды застал её с сантиметровой лентой.

— Ты решила шить себе платье?

Моника вздрогнула.

— Хочу понять, не поправилась ли.

— Весы сломались?

— Вес ничего не показывает.

Он прислонился к дверному косяку.

— Моника, ты весишь столько же, сколько семь лет назад.

— Откуда ты знаешь?

— Потому что ты каждые полгода сообщаем мне эту информацию так, будто я член комиссии.

— Я не сообщаю.

— Сообщаешь.

Она хотела рассмеяться, но вместо этого спросила:

— А если я сильно поправлюсь?

Герман пожал плечами.

— Купим другой матрас.

— Я серьёзно.

— Я тоже. Этот слишком мягкий.

— Ты невозможный.

— Зато последовательный.

Он ушёл, а Моника ещё несколько секунд смотрела ему вслед. Раньше такие ответы ей нравились. Герман не умел и не любил подтверждать очевидное длинными признаниями. Она всегда считала это признаком надёжности: если человек рядом, значит, слова не нужны. Теперь ей впервые захотелось слов. Много. Точных. Таких, которые нельзя истолковать иначе. Но

просить их было страшно. В конце месяца она пришла к дерматологу. Потом к эндокринологу. Затем к неврологу по рекомендации знакомого врача. Каждый находил что-то незначительное и ничего, что объясняло бы всё сразу.

— Возможно, вы слишком внимательно за собой наблюдаете, — сказал невролог.

Моника посмотрела на него холодно.

— То есть я это придумала?

— Я не это сказал.

— Но подумали.

— Я думаю, что тревога усиливает восприятие телесных изменений.

— А изменения существуют?

Он помолчал.

— Небольшая асимметрия лица есть.

Эти слова ударили сильнее, чем если бы он назвал диагноз.

— Какая?

— Незначительная.

— Раньше её не было.

— У вас есть старые фотографии?

Моника достала телефон быстрее, чем требовалось. Врач сравнил несколько снимков.

— Да, возможно, она стала чуть выраженнее.

— Почему?

— Я не могу сказать. Для начала сделайте МРТ и ещё несколько анализов.

— Это может быть серьёзно?

— Может быть что угодно, от особенностей мягких тканей до воспалительного процесса.

Пока рано делать выводы.

Слово «серьёзно» он не повторил, но Моника услышала его ещё раз. По дороге домой она не включала музыку. Город за окном казался слишком обычным для того, что происходило внутри неё. Люди переходили улицы, кто-то смеялся у кофейни, женщина вела ребёнка за руку. Всё продолжалось. На светофоре Моника опустила солнцезащитный козырёк и открыла зеркальце. Лицо было её. И уже немного не её. Она закрыла зеркало. Вечером Герман готовил пасту. Он делал это редко, но с видом человека, совершающего сложнейшую операцию.

— Не заходи, — сказал он, когда Моника появилась на кухне. — Я ещё не решил, это ужин или страховой случай.

Она остановилась в дверях. Герман стоял спиной к ней, помешивая соус. На столе лежал открытый рецепт, рядом — слишком много чеснока. Моника смотрела на него и вдруг почти сказала правду. «Мне страшно. Я хожу по врачам. Со мной что-то происходит». Слова поднялись к горлу. Но Герман обернулся.

— Попробуешь?

Он протянул ей ложку. Моника сделала шаг, попробовала соус и кивнула.

— Вкусно.

— Ты врёшь.

— Немного.

— Отлично. Значит, брак ещё жив.

Она улыбнулась. И не сказала ничего. Позже, когда Герман уснул, Моника снова открыла папку с фотографиями. Снимков было уже двадцать три. Она листала их медленно — день за днём, утро за утром. Если смотреть на соседние фотографии, разница почти исчезала. Но если открыть первую и последнюю, становилось видно: левая половина лица действительно изменилась. Совсем немного. Достаточно, чтобы испугаться. Моника приблизила последний снимок. Потом открыла фотографию с приёма, сделанную меньше месяца назад. Ту самую, где она стояла в зелёном платье рядом с Германом. Она была прекрасна. Не «выглядела хорошо»,

не «получилась удачно». Прекрасна той безусловной красотой, к которой сама давно привыкла и которую никогда не считала чем-то хрупким. Моника долго смотрела на фотографию. А затем неожиданно подумала не о лице. Она подумала о Германе.

О том, как он смотрел на неё в тот вечер. О женщинах, которые говорили ему, как ему повезло. О мужчинах, которые оборачивались ей вслед. И впервые в жизни задала себе вопрос, которого раньше почти не существовало: если однажды всё это исчезнет — что останется? Она повернула голову к спящему мужу. Герман дышал спокойно, не подозревая, что его жена уже несколько недель тайно измеряет собственное тело, фотографирует лицо и ходит по врачам. Моника погасила экран. В темноте отражения не было. Но страх остался.

Глава 3. Диагноз

Через три недели Моника перестала убеждать себя, что всё пройдет само. Припухлость у скулы то почти исчезала, то возвращалась. Потом к ней добавилось другое: лицо стало быстрее уставать к вечеру, кольца иногда теснили пальцы, а любимое платье, которое всегда сидело одинаково, вдруг неприятно натянулось в талии. Весы при этом показывали почти прежнюю цифру. Она сменила косметолога, потом врача. Сделала анализы, УЗИ, сдала кровь на всё, что ей назначали. Каждый новый специалист находил отдельное объяснение: стресс, гормоны, задержка жидкости, последствия перелётов, недостаток сна. Моника цеплялась за каждую версию, пока очередной результат не делал её несостоятельной. Герман ничего не спрашивал напрямую. Только однажды утром задержал на ней взгляд дольше обычного и сказал:

— Ты плохо спала.

— Нормально.

— Ты уже неделю отвечаешь «нормально» раньше, чем я успеваю спросить.

Она улыбнулась.

— Значит, мы хорошо знаем друг друга.

Он хотел сказать что-то ещё, но телефон зазвонил, и разговор оборвался. Моника была этому рада. Последнее направление она получила от эндокринолога. На листке была фамилия врача, о котором Моника ничего не знала, и название клиники, где занимались редкими метаболическими и аутоиммунными нарушениями. Само слово «редкими» ей не понравилось. Она приехала туда одна. Клиника оказалась тихой, почти гостиничной: светлые стены, мягкие кресла, никаких очередей в коридоре. За стеклом регистратуры говорили вполголоса. Моника заполнила анкету, несколько раз перечитала строку «жалобы» и в итоге написала только: «изменение лица и отёчность». Её вызвали почти сразу.

Доктор Савельев оказался мужчиной около шестидесяти, сухощавым, с короткими седыми волосами и очень спокойными руками. Он не делал поспешных выводов. Сначала расспросил её обо всём: когда начались изменения, были ли похожие случаи в семье, менялся ли аппетит, болели ли суставы, как быстро появилась асимметрия, замечала ли она изменение объёмов тела.

— Вы фотографировали себя до начала симптомов? — спросил он.

Моника чуть усмехнулась.

— Наверное, у меня фотографий больше, чем нужно.

— Это сейчас полезно.

Она показала ему снимки в телефоне: месяц назад, два месяца назад, полгода назад. Савельев сравнивал их долго, не комментируя. Потом попросил разрешения сделать несколько снимков при одинаковом освещении. Моника впервые почувствовала себя не красивой женщиной, а объектом наблюдения. После осмотра он назначил ещё несколько исследований. Она проходила их два дня. На третий Савельев попросил прийти снова и, если возможно, не одной. Именно эта фраза напугала её больше всего.

— Зачем не одной?

— Иногда рядом полезен близкий человек.

— Я приду одна.

Он не стал настаивать. В день повторной консультации Моника проснулась раньше будильника. Герман спал на боку, лицом к ней. Она долго смотрела на него в полумраке и почти разбудила, почти сказала: «Поехали со мной». Но в последний момент передумала. Если врач скажет, что это пустяк, незачем пугать Германа. Если скажет что-то серьёзное — она сначала должна понять сама. В клинике Савельев не стал тянуть.

— Моника, результаты подтверждают мои подозрения.

Она сидела напротив, положив сумку на колени. Пальцы были сцеплены слишком сильно.

— Это рак?

— Нет.

Она впервые за утро вдохнула глубоко.

— Тогда что?

Врач повернул к ней монитор. На экране были таблицы, графики, медицинские термины, из которых она не понимала почти ничего.

— У вас редкое системное заболевание. Оно связано с нарушением обменных процессов в соединительной и жировой ткани. Мы пока не до конца понимаем механизм, но видим типичную картину.

Моника смотрела на него.

— Я буду жить?

— Да. Само заболевание не относится к смертельным.

Ей снова стало легче. Но только на секунду. Савельев продолжил:

— Проблема в другом. Без лечения оно может прогрессировать. Внешние изменения, которые вы уже заметили, способны усиливаться. Может меняться распределение тканей, контуры лица, фигура, появляться асимметрия.

Она услышала слово «лицо» отчётливее остальных.

— Насколько?

— У всех по-разному.

— Я спрашиваю насколько.

Доктор снял очки.

— Иногда значительно.

В кабинете стало слишком тихо. Моника отвела взгляд к окну. За стеклом по улице шла женщина в белом пальто, говорила по телефону и улыбалась. Обычная жизнь продолжалась в нескольких метрах от неё, но внезапно казалась чем-то чужим.

— Это лечится?

— Существуют методы, которые могут замедлить течение. Есть экспериментальные протоколы. В некоторых случаях удаётся добиться обратного развития части изменений. Но я не хочу давать вам обещаний, которых медицина пока не может выполнить.

— То есть я могу измениться до неузнаваемости?

Савельев выдержал паузу.

— Такой риск существует.

Моника кивнула, будто речь шла о чужом человеке.

— А когда?

— Мы не можем точно прогнозировать скорость. У кого-то процесс идёт годами. У кого-то быстрее.

— У меня?

— Пока рано говорить.

Она посмотрела на собственные руки. Они были теми же, что всегда. Маникюр, тонкие пальцы, кольцо Германа на безымянном. Всё было знакомым. И всё вдруг оказалось временным.

— Вы сказали, болезнь не смертельная.

— Да.

— Значит, мне повезло.

Савельев не ответил сразу.

— В каком-то смысле — да.

Моника усмехнулась. Слово «повезло» снова прозвучало почти издевательски. Ей повезло быть красивой. Повезло выйти за Германа. Теперь повезло получить болезнь, от кото-

рой не умирают. Она задавала ещё вопросы: что принимать, чего избегать, какие анализы повторять, когда прийти снова. Голос звучал ровно. Савельев, вероятно, решил, что она держится хорошо. На самом деле Моника просто ещё не успела почувствовать. Это произошло уже в машине. Она села на заднее сиденье такси, назвала адрес и достала телефон. На экране было сообщение от Германа: «Обедать будешь дома?» Моника посмотрела на своё отражение в чёрном стекле. Лицо всё ещё было её. Почти прежнее. Она набрала: «Да. Буду к двум». Отправила. Потом открыла фронтальную камеру. Сделала фотографию. И впервые не стала искать удачный угол.

Она смотрела прямо в объектив, будто хотела запомнить себя. Такой. Сегодняшней. Пока ещё узнаваемой. Дома Герман был раньше неё. Он стоял на кухне без пиджака, закатав рукава рубашки, и резал хлеб. На столе уже лежал салат, который он привёз из ресторана.

— Ты где была? — спросил он.

Сердце у Моника ударило слишком сильно.

— У косметолога.

Ложь прозвучала легко. Она сама испугалась этой лёгкости. Герман поднял глаза.

— И что сказал косметолог?

— Что я прекрасна и мне надо меньше нервничать.

— Умный человек.

Он подошёл, коснулся губами её виска и вернулся к столу. Моника закрыла глаза. Ей захотелось сказать всё прямо сейчас. Положить на стол заключение, рассказать о Савельеве, о словах «может прогрессировать», о лице, которое однажды может стать чужим. Но Герман повернулся и улыбнулся ей. И Моника промолчала. За обедом он рассказывал о работе. О сорвавшейся встрече, о партнёре, который опять поменял условия, о смешном письме от нового менеджера. Она слушала и отвечала вовремя. Даже смеялась. Только одна мысль возвращалась снова и снова. Если её лицо действительно изменится — Герман будет смотреть на неё каждый день. Сначала с жалостью. Потом с привычкой. А потом, возможно, перестанет смотреть совсем. Она подняла на него глаза.

— Что? — спросил он.

— Ничего.

— Опять ничего?

— Опять.

Он протянул руку через стол и накрыл её ладонь своей.

— Тогда ладно.

Моника заставила себя улыбнуться. Вечером она спрятала медицинское заключение в нижний ящик письменного стола под старыми документами. Потом подошла к зеркалу. Долго смотрела на себя. И впервые в жизни боялась не того, что увидит сегодня. А того, кого может увидеть там через год.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.